

О ХРИСТИАНСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

(Продолженіе *).

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Болѣе подробныя христіанскія законоположенія.

Заповѣди блаженства.

Новозавѣтными скрижалями закона можно назвать изреченія Господни о блаженствахъ (Матѣ. 5, 2—12; Лук. 6, 17—26). Въ нихъ Господь начерталъ образецъ жизни, свойственной его послѣдователямъ. Не отрицая того, что предписано въ скрижаляхъ ветхаго завѣта, Онъ расширяетъ и возвышаетъ смыслъ древнихъ заповѣдей, внушая людямъ стремленіе къ такому совершенству, которое дѣлало бы ихъ истинными дѣтьми Божиими, подобными Отцу своему небесному (Матѣ. 5, 17—48).

Сообразно съ духомъ новаго завѣта, евангельскія законоположенія имѣютъ характеръ не строгихъ предписаній, а благодатнаго призванія. Законъ является обыкновенно суровымъ пѣстуномъ челоуѣка, подвергая его болѣе или менѣе тяжкому наказанію за всякое нарушеніе своихъ предписаній, и такимъ образомъ дѣйствуя на него больше всего страхомъ; евангельскія законоположенія, изображая свойства, какія долженъ имѣть послѣдователь Іисуса

) См. Труды Кіевск. дух. Академіи 1879 г., октябрь.
Труды Кіев. Акад. 1879 г. т. III.

Христа, въ самыхъ же этихъ свойствахъ указываютъ человеку истинный залогъ блаженства. Блаженны тѣ, говоритъ Господь, которые послѣдуютъ моимъ заповѣдямъ, *ибо ихъ есть* (не будетъ только, но и есть) *царство небесное*. Хотя царство небесное, въ полной силѣ и славѣ своей, я откроется только въ будущемъ вѣкѣ; но блага его становятся нашимъ достояніемъ уже и въ настоящей жизни, по мѣрѣ того—какъ мы приобретаемъ качества, свойственныя сынамъ этого царства.

I. *Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное*. Вотъ первое законоположеніе Христово.

Въ то время, когда Господь изрекалъ свой законъ предъ множествомъ народа изъ всей *Иудеи и Иерусалима и приморскихъ мѣстъ тирскихъ и сидонскихъ* (Лук. 6, 17), все эти люди были подъ религіозно-нравственною опекою вождей іудейскихъ, которые отличались высокимъ мнѣніемъ о себѣ и больше всего дорожили славой мнимой мудрости и праведности своей (Іоан. 5, 44). Въ послѣдствіи Господь представилъ образецъ самомнѣнія ихъ въ лицѣ приточнаго фарисея, который предъ самимъ Богомъ перечисляетъ свои совершенства и молитву обращаетъ въ самовосхваленіе (Лук. 18, 11—14). Подъ вліяніемъ такихъ вождей, и народъ проникался духомъ самомнѣнія, такъ что іудеи вообще присвоили себѣ исключительное право на званіе сыновъ Божіихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на блаженную жизнь въ царствѣ Божіемъ, котораго ожидали на землѣ. Вопреки этому ложному и пагубному направленію, Господь заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ, первѣе всего, смиреніе; провозглашая блаженными *нищими духомъ*, то есть, такихъ людей, которые сознаютъ и чувствуютъ свое недостоинство, свою немощь, свои вѣпы предъ Богомъ. Какъ искушитель вдохнулъ нѣкогда людямъ свою гордость и тѣмъ лишилъ ихъ райскаго блаженства; такъ Искупитель внушаетъ имъ свое смиреніе (Матѣ. 11, 29), чтобы ввести ихъ въ царство небесное. Гордость есть первая черта *всѣхъ людей, истинно живущихъ въ*

обольстительныхъ похотяхъ; смиреніе—первый признакъ новаго челоуѣка, создаемаго по Богу, въ праведности и святости истины.

Не одному древнему іудейству принадлежало то на-
правленіе, которое съ особенною рѣзкостью выразилось въ
фарисеяхъ; тотъ же духъ живетъ и дѣйствуетъ всегда въ
міръ, то есть, въ той челоуѣческой средѣ, гдѣ смотрять на
все съ своей только—челоуѣческой точки зрѣнія и не хо-
тятъ руководиться ученіемъ божественнаго откровенія. Древ-
нее фарисейство способно облачаться здѣсь въ новыя болѣе
тонкія формы, но въ существѣ остается тѣмъ же, чѣмъ бы-
ло, и становится еще опаснѣе. Такъ, помѣръ развитія на-
укъ, искусствъ и такъ называемой цивилизаціи, сильно раз-
вивается въ людяхъ міра гордое убѣжденіе въ своихъ ду-
ховныхъ силахъ, гордая вѣра въ свой разумъ и въ свою
волю. Они съ самодовольствомъ произносятъ имена различ-
ныхъ дѣятелей въ исторіи челоуѣчества, явившихъ въ се-
бѣ великое богатство духовныхъ дарованій, и надѣются на
безконечное самоусовершенствованіе челоуѣчества. Поэтому
они хотятъ, чтобы люди вообще болѣе и болѣе одушевля-
лись увѣренностію въ себѣ, въ своихъ силахъ и средствахъ,
и живѣе сознавали свои достоинства, а недостатокъ само-
чувствія признаютъ во всякомъ случаѣ постыдною и вред-
ною слабостію. Правда, и міръ осуждаетъ самопревозно-
шеніе, высокомеріе и излишнюю самонадѣянность, но толь-
ко какъ крайности, оскорбительныя своею грубостію и вред-
ныя по своему неблагоураузмію. За то благородная гордость
и самоувѣренность цѣнятся имъ какъ истинная добродѣтель,
или даже какъ источникъ и душа многихъ добродѣтелей. По-
нятно, что при такомъ взглядѣ на вещи ученіе о грѣхов-
номъ состояніи челоуѣка, о коренномъ поврежденіи челоуѣ-
ческой природы, о виновности челоуѣка предъ Богомъ яв-
но или тайно совершенно отрицается.⁴ Челоуѣческій міръ
вообще отрывается отъ Бога и представляется какъ міръ
самостоятельный и самозаконный. *Будете какъ боги*—это из-

начальное оболъщеніе во всѣ времена ослѣпляетъ міръ и громко отзывается въ его самочувствіи и надеждахъ.

Между тѣмъ нѣтъ человѣка, который, даже при дѣйствительныхъ успѣхахъ въ нравственномъ самоусовершенствованіи, не имѣлъ бы многихъ слабостей, подвергающихъ его строгой отвѣтственности предъ непреложнымъ закономъ правды Божіей и лишающихъ крѣпости самыя добрыя его качества. Сознавать въ себѣ только то, что хорошо, и какъ бы за ничто почитать все, что есть въ насъ слабаго и не добраго, это — самооболъщеніе, преступное предъ Богомъ и всегда опасное для самыхъ добродѣтелей нашихъ. При невнимательности къ тому, что есть въ насъ худаго, никакая побѣда наша надъ своими страстями не прочна, никакое водвореніе въ душѣ нашей добра на мѣсто зла не надежно. Злыя влеченія и страсти могутъ возвращаться въ насъ и дѣйствовать въ душѣ нашей еще съ большею, чѣмъ прежде, лютостію, какъ говорить объ этомъ иносказательно самъ Господь, представляя страсть подъ образомъ злаго духа, который, будучи принужденъ выйти изъ человѣка, пытается снова войти въ него и когда не находитъ къ тому препятствія, то беретъ съ собою семь другихъ злыхъиныхъ себя духовъ, и вошедши живутъ тамъ, и бываетъ для человѣка того послѣднее хуже перваго (Матѣ. 12, 43—45). Такимъ образомъ сознаніе человѣкомъ своей немощи, своей нищеты духовной есть одно изъ главныхъ условій дѣйствительныхъ успѣховъ его духовной жизни. Оно не должно оставлять христіанина никогда, да и не можетъ оставлять его, если онъ идетъ предъ указаннымъ ему путемъ истиннаго совершенствованія. Ибо, по мѣрѣ того какъ человѣкъ освобождается отъ своихъ порочныхъ влеченій и страстей, духовное зрѣніе его просвѣтляется, и предъ нимъ шире и шире открывается область духовнаго совершенства, такъ что сколько бы онъ ни подвигался въ этой области впередъ, пройденное имъ пространство всегда будетъ оказываться весьма малымъ. Призванный уподобляться самому Богу и созерцая въ своемъ Перво-

образъ неизмѣримое сокровище мудрости, правды и любви, что иное можетъ онъ сознать и чувствовать въ себѣ, какъ не духовное убожество!

Нерѣдко укоряли и укоряютъ христіанство въ томъ, будто бы оно, внушая челоуѣку слишкомъ смиренное о себѣ мнѣніе, лишаетъ его чрезъ это нравственной бодрости и энергіи. Кто, говорятъ, почитаетъ себя обреченнымъ на вѣчное ничтожество, того не могутъ одушевлять никакія возвышенныя чувства и стремленія. Но

1) Смиреніе предъ Богомъ не составляетъ никакого уничтоженія для челоуѣка. Если бы мы были чисты и непорочны какъ Ангелы Божіи, то и тогда не уничтожались бы предъ Творцемъ своимъ, созная себя предъ Нимъ прахомъ. Предъ безконечнымъ совершенствомъ никакому относительно совершенному существу не низко сознать себя ничтожествомъ. Въ такомъ сознаніи не можетъ быть никакой горечи; напротивъ, повергаться предъ величіемъ и славою Божіею—блаженство разумной твари. Отъ такого сознанія не можетъ рождаться уныніе, разслабляющее душу челоуѣка; напротивъ, благоговѣніе предъ всеобъемлющею и всесозидающею, безконечно разумною и безконечно благою Силою—источникъ одушевленія и силы для благоговѣющаго созданія. Мыслящее и чувствующее существо, не мысля и не чувствуя безпредѣльной силы, величія, совершенства Создателя, должно было бы замереть въ своей ограниченности. Къ тому и ведетъ гордое самомнѣніе смертнаго, который, сосредоточивая на себѣ самомъ свое вниманіе и уваженіе, создаетъ для себя какъ бы темницу въ себѣ же самомъ, уединяющую его отъ общей жизни и имѣющую сдѣлаться для него гробомъ.

Когда челоуѣкъ сознать себя не только слабымъ смертнымъ, но и преступнымъ рабомъ предъ Богомъ; то конечно, онъ долженъ трепетать предъ всемогущимъ и всеправеднымъ Владыкою жизни и смерти. Но и это чувство въ такомъ только случаѣ могло бы поражать и убивать его душу,

если бы онъ явился предъ Богомъ какъ бѣглый и мятежный рабъ, не могшій нигдѣ укрыться отъ своего Господа. Въ христіанствѣ же кающійся грѣшникъ представляется совсемъ не въ такомъ положеніи. Это не пойманный преступникъ, которому нечего ожидать, кромѣ суда и казни. Христосъ Спаситель приходилъ въ міръ не для осужденія, а для спасенія міра. Онъ ищетъ виновныхъ, какъ добрый пастырь ищетъ заблудившихся овецъ. Грѣшника, пришедшаго въ сознание вины своей предъ Богомъ, Онъ приводитъ къ Отцу своему небесному уже разрѣшеннымъ отъ узъ грѣха, освобожденнымъ отъ бремени проклятія за грѣхъ, возведеннымъ въ достоинство сына Божія и получившимъ залогъ совершенной жизни. Здѣсь величіе Божіе открывается по преимуществу въ безмѣрной милости Творца къ своей твари, и смиреніе грѣшника предъ безконечно великимъ Богомъ не можетъ быть чувствомъ, поражающимъ его духовныя силы. Какъ помилованный, онъ чувствуетъ сладость помилованія; потому что оно исходитъ не отъ презрѣнія къ его ничтожеству, а отъ безконечной любви и благости Милующаго. Никакое самоуслажденіе собственными достоинствами не можетъ дать человѣку и капли того оживляющаго и возвышающаго душу внутренняго удовольствія, какое почерпается смиреннымъ христіаниномъ въ сознаніи и убѣжденіи своемъ, что онъ, бѣдный грѣшникъ, не отвергнутъ всесвятымъ и всеправеднымъ Господомъ своимъ, но прощенъ, облагодатствованъ имъ и можетъ сердцемъ и устами звать къ Нему: Отецъ мой небесный!—Грѣшница, обливавшая слезами и лобызавшая ноги Іисуса Христа, была въ глубокомъ смиреніи своемъ стократъ выше и блаженѣе тѣхъ, которые съ сознаніемъ мнимаго достоинства своего и съ гордымъ самоуваженіемъ возлежали за одною трапезою съ Господомъ (Лук. 7, 37—47). Ей много прощено; за то она и возлюбила много, и способна была достигнуть такой высоты жизни, о какой гордые своею праведностію законники и думать не умѣли.

2) Какъ въ отношеніи къ Богу, истинное чувство смиренія не подавляетъ, а возвышаетъ человѣка; такъ и въ отношеніи къ людямъ оно не обезличиваетъ смиреннаго, а служить въ немъ основаніемъ правильнаго самоуваженія. »Всѣ люди—прахъ предъ Богомъ; всѣ люди—грѣшники предъ Нимъ: нѣтъ ни высокаго, ни чистаго предъ Всевышнимъ и Всеправеднымъ“,—такое убѣжденіе и чувство, принимая каждого до равенства со всѣми, въ тоже время и возвышаетъ каждого до полноправнаго члена семьи человѣческой. Ибо у великаго Отца этого семейства не можетъ быть любимцевъ; въ Богѣ нѣтъ *милосердія*. Ни одинъ человекъ, какъ человекъ, не имѣетъ преимуществъ предъ другимъ, и ни одинъ человекъ, какъ человекъ, не ниже другаго. Итакъ если кому либо изъ людей возможно приобрѣтать благоволеніе Божіе, получать дары Его благодати, достигать царства Божія; то это возможно и каждому.—Гдѣ живо такое сознаніе и чувство, тамъ не можетъ быть ни гордости, ни слабодушія, которыя одинаково подрываютъ возможность правильныхъ отношеній людей другъ къ другу. Такимъ образомъ христіанство, внушающее каждому глубокое смиреніе, не только не разрушаетъ, но и возсоздаетъ полуразрушенную, такъ сказать, личность человека. Начало человѣчности (гуманности)—не въ мірской цивилизаціи, а въ христіанскомъ смиренномудріи.

II. *Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся.*—Стремясь къ удовольствіямъ, какъ къ послѣдней цѣли жизни, люди міра естественно смотрятъ на всякую скорбь, какъ на признакъ несчастія. По мірскимъ понятіямъ, блаженны только тѣ, которые могутъ *веселиться на вся дни сѣтло* (Лук. 16, 19). Господь, напротивъ, возвѣщаетъ *горе смѣющимся нынѣ* (Лук. 6, 25), то есть, тѣмъ, которые, пользуясь благоприятными для нихъ внѣшними обстоятельствами, ни о чемъ, кромѣ житейскихъ радостей и удовольствій, не думаютъ. Счастливы ихъ всякій страждущій, потому что страданія могутъ располагать человека къ болѣе правильной оцѣнкѣ

земныхъ благъ, къ нравственному самоиспытанію и къ исканію инаго счастія, чѣмъ житейскія удовольствія. Впрочемъ само собою пенятно, Господь ублажаетъ не всякаго плачущаго. Какъ въ первой заповѣди блаженства говорится не просто о нищихъ, но о нищихъ духомъ, такъ и здѣсь разумѣются не всѣ безъ различія печалящіеся, но только тѣ, которые *печалются ради Бога* (2 Кор. 7, 10).

Печаль ради Бога свойственна тому, кто, заботясь о чистотѣ своей жизни и стремясь къ царству Божію, сознаетъ и чувствуетъ себя далекимъ отъ предмета своихъ стремленій, такъ какъ совѣсть его говоритъ ему, что онъ грѣшникъ и, пока остается такимъ, не достоинъ благоволенія Божія. Это—печаль покаянная. Она постоянно живетъ въ сердцѣ вѣрующаго и ищущаго духовнаго самоусовершенія; потому что чѣмъ больше кто заботится о нравственномъ самоисправленіи, тѣмъ яснѣе сознаетъ и живѣе чувствуетъ всякое отступленіе свое отъ закона истинной жизни и оплакиваетъ каждый грѣхъ, какъ преступленіе предъ Богомъ. А такъ какъ нѣтъ человека, который въ настоящей жизни достигалъ бы совершенно безгрѣшнаго состоянія; то нѣтъ и истинно вѣрующаго, который не носилъ бы въ душѣ своей покаяннаго чувства. Но чувство это не только не дѣлаетъ вѣрующаго несчастнымъ, но и служитъ въ немъ залогомъ истиннаго блаженства; потому что съ нимъ соединяется несомнѣнная надежда на милость Божію, на прощеніе грѣховъ, на очищеніе души благодатію Христовою, что и образуетъ во глубинѣ души вѣрующаго живой источникъ духовной радости. При томъ *печаль ради Бога* отгоняетъ *печаль мірскую, которая производитъ смерть* (2 Кор. 7, 10). Кто не заботится о духовно—нравственномъ состояніи своемъ, тотъ обыкновенно погружается въ житейскія заботы, которыя способны сильно изнурять нашу душу и тѣло, особенно, когда мы терпимъ вещественныя нужды или подвергаемся какому нибудь бѣдствіямъ. А вѣрующій, занятый по преимуществу дѣломъ духовнаго самоисправленія, не знаетъ

изнурительныхъ заботъ такого рода: для него не имѣетъ особеннаго значенія вѣднѣе и временное благосостояніе, а потому различныя лишенія и несчастія земныя не могутъ производить на него такого угнетающаго дѣйствія, какое испытываютъ отъ нихъ люди мірскаго духа.

Итакъ хотя утѣшеніе плащущимъ только обѣщается, и лишь въ будущей жизни Господь *отъиметъ всякую слезу отъ очей ихъ*; однакожъ и здѣсь они способны уже ощущать такія радости, какія никому, кромѣ истинно вѣрующихъ, недоступны и непонятны на землѣ. Постоянное внутреннее настроеніе истиннаго христіанина можно назвать печально—радостнымъ. Земнымъ радостямъ онъ не отдается ни въ какое время, хотя бы онѣ были для него и возможны, то есть, хотя бы онъ пользовался возможно полнымъ вѣднѣмъ благосостояніемъ и благополучіемъ: всегда присущее ему живое сознаніе своихъ духовныхъ недостатковъ и слабостей не позволяетъ ему никогда *всеселиться свѣтло*. Но, съ другой стороны, въ самыхъ неблагопріятныхъ и скорбныхъ обстоятельствахъ жизни онъ, хотя и не можетъ не страдать, никогда ни остается безъ внутренняго утѣшенія, чувствуя себя въ рукѣ Божіей, которая, не отвращая отъ него вѣднѣхъ золъ, проводитъ его чрезъ скорби, какъ чрезъ очистительный огонь, и наконецъ *изводитъ въ покой* (Пс. 65, 12).

III. *Блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю.* Кротость состоитъ въ незлобномъ и добросердечномъ отношеніи чело-вѣка къ другимъ во всякое время, даже и тогда, когда отъ другихъ онъ терпитъ оскорбленія и обиды.

Имѣя въ виду по преимуществу отношенія своихъ послѣдователей къ невѣрующимъ и предвидя, съ какою враждою и злобою встрѣтять ихъ міръ, Господь воспрещаетъ имъ *противиться злу* и заповѣдуетъ отвѣчать на всѣ поношенія и насилія готовностію терпѣть новыя обиды отъ притѣснителей: *вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ; а я говорю вамъ: не противься злему. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую и д.*

(Матѣ. 5, 38 и д.). По видимому, христіане осуждались чрезъ это на страдательное подчиненіе всему, что ожидало ихъ въ будущемъ, и никакой борьбы не могло быть между ними и враждебнымъ имъ міромъ. Борьба однакоже открылась и притомъ такая, въ которой со стороны міра употреблены были все средства для пораженія послѣдователей Христовыхъ. Значить, христіане, при всей внѣшней беззащитности своей, не были безоружны. Дѣйствительно, они были сильно вооружены, только не вещественнымъ, а духовнымъ оружіемъ, именно, духомъ кротости, плодомъ любви, принесенной на землю Господомъ Искупителемъ и положенной Имъ въ основу новой жизни человѣка. Вѣрные завѣту своего Господа, христіане не употребляли другаго оружія противъ враговъ своихъ, и оказались могущественнѣе ихъ; они не *противились злымъ*, и однакожъ не только не уступали ихъ силѣ, но и торжествовали надъ ними. Что Апостолъ говорилъ о себѣ, тоже можно приложить и ко всей первенствующей Церкви Христовой: *мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ; насъ почитаютъ умершими, но вотъ мы живы; насъ наказываютъ, но мы не умираемъ; насъ огорчаютъ, но мы всегда радуемся; мы нищи, но многихъ обогащаемъ; мы ничею не имѣемъ, но всемъ обладаемъ* (2 Кор. 6, 9—10). Когда христіанство распространилось настолько, что христіане, въ совокупности своей, могли явиться уже грозною и въ политическомъ смыслѣ силою для своихъ гонителей; то никому изъ нихъ, однакожъ, не приходило на мысль не только мстить своимъ врагамъ, но и стать противъ нихъ для своей обороны, и одинъ изъ христіанскихъ писателей того времени (Тертуліанъ, жившій въ концѣ втораго и началѣ третьяго вѣка) говорилъ прямо, что послѣдователи Христовы могли бы найти средство освободиться отъ преслѣдованій и нанести страшный ударъ гнетущему ихъ міру, если бы захотѣли сдѣлать это, но они — совсѣмъ другаго духа. Вѣра Христова явилась наконецъ господствующею въ мірѣ, и „кроткіе христіане, вмѣсто того чтобы быть истребленными яростію

язычниковъ, наследовали вселенную, которою обладали прежде язычники" (Правосл. Катих.). Такъ буквально исполнилось и обѣщаніе Господне кроткимъ, что они *наследуютъ землю*, хотя обѣщаніе это, подобно другимъ обѣтованіямъ блаженства, относится главнымъ образомъ къ будущей жизни, когда вѣрующіе увидятъ *блага Господня на земли живыхъ*. (Псал. 26, 13).

Въ приложеніи ко взаимнымъ отношеніямъ христіанъ между собою заповѣдь Господня о прощеніи обидъ, безъ сомнѣнія, не можетъ и не должна быть понимаема буквально. Самъ Господь, говоря о проступкахъ христіанина противъ христіанина, даетъ на подобные случаи такую заповѣдь: *если соприимешь противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя, то приобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви: а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь* (Матѣ. 18, 15—17). Здѣсь не требуется уже безусловная уступчивость обижающему, а вмѣняется вѣрующимъ въ обязанность употреблять и внѣшнія мѣры для вразумленія и обузданія обидчика. Но это различіе между заповѣдями касается не внутренняго расположенія духа въ обижаемомъ, а только внѣшняго отношенія къ обижающему. Чувство вражды и мщенія, зложеланіе и злопамятство во всякомъ случаѣ безусловно запрещаются всякому христіанину. Порядокъ общества требуетъ, чтобы виновные въ нарушеніи правъ другихъ не оставались безъ отвѣтственности за свои преступленія; но при этомъ 1) никакая личная вражда и мстительность несвойственны христіанину, который въ своихъ обидчикахъ долженъ видѣть не враговъ, а только ослѣпленныхъ страстію братьевъ, заслуживающихъ поэтому не одного наказанія, но и состраданія; 2) самое общественное правосудіе христіанское должно имѣть характеръ не столько возмездія за нарушеніе

закона, сколько мѣры къ исправленію преступника или, по крайней мѣрѣ, къ предъотвращенію дальнѣйшихъ его преступленій.

Прощеніе обидѣ служить однимъ изъ самыхъ существенныхъ признаковъ христіанскаго духа въ человѣкѣ. И въ ветхомъ завѣтѣ кротость и незлобіе восхвалялись, какъ высокія и наиболѣе угодныя Богу добродѣтели; но общій характеръ подзаконнаго народа самъ Господь называетъ *жестоковѣйностію*, по причинѣ которой и въ данномъ ему законѣ заключалось много жесткаго и суроваго. Въ языческую нравственность вовсе не входило правило прощенія обидѣ. Побѣждать гнѣвъ, отказываться отъ мщенія врагу, оказывать великодушіе оскорбителю почиталось, правда, и у язычниковъ, нравственно-доблестнымъ дѣломъ; но при этомъ имѣлись въ виду особые случаи, по преимуществу такіе, когда происходила борьба между врагами, и восторжествовавшая сторона воздерживалась отъ жестокости надъ побѣжденнымъ, или даже, вмѣсто зла, дѣлала ему какое нибудь добро. Что же касается общихъ правилъ взаимнаго отношенія людей между собою, то у язычниковъ не существовало нравственной обязанности для каждаго быть всегда и во всѣхъ случаяхъ добросердечнымъ и благожелательнымъ къ другимъ. Что нѣкоторые люди могли быть врагами другъ другу, это почиталось у нихъ столько же естественнымъ, какъ и то, что другіе могли быть друзьями между собою, и потому, какъ дѣлать возможное добро друзьямъ, такъ и наносить возможный вредъ врагамъ, признавалось одинаково справедливымъ и согласнымъ съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. Часто даже месть требовалась, какъ выполненіе долга, и кроткое отношеніе къ обидчикамъ осуждалось, какъ слабость.

Иначе и быть не могло, пока эгоизмъ лежалъ въ основѣ частной и общественной жизни людей. Но тѣмъ прискорбнѣе, если въ христіанскомъ обществѣ проявляются такія понятія о кротости, по которымъ качества, составляющія

украшенія христіанина, обращаются въ мнимые недостатки. Такъ, если и нынѣ видятъ силу и энергію характера только тамъ, гдѣ не допускается никакая уступчивость, никакое свободное ограниченіе своихъ правъ, по чувству снисхожденія и любви къ миру,—если и нынѣ готовы презирать кроткаго человѣка какъ человѣка слабаго характера, съ неразвитымъ будтобы чувствомъ чести и самоуваженія,—если и нынѣ думаютъ видѣть что-то благородное въ раздраженіи человѣка отъ всякаго прикосновенія къ его личности и не хотятъ оставлять безъ отмщенія никакихъ оскорбленій; то въ этомъ обнаруживается не христіанскій, а языческій духъ, противный духу христіанской человѣчности.

ЧТЕНІЕ ПЯТОЕ.

Заповѣди блаженства (продолженіе).

IV. *Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся.*—Такъ какъ праведнымъ, то есть, правымъ и чистымъ предъ Богомъ, никто не можетъ сдѣлаться самъ собою; то Господь не говоритъ: блаженны праведные, но блаженны алчущіе и жаждущіе правды. Онъ самъ принесъ людямъ даръ оправданія предъ Богомъ и даръ новой жизни *по Богу, въ правдѣ и святости истинны* (Рим. 3, 22; Ефес. 4, 21--24); только, чтобы воспользоваться этимъ безцѣннымъ даромъ, человѣкъ, естественно, долженъ желать и искать его. Выраженіе: *алчущіе и жаждущіе правды*, показываетъ степень искренности и силы такого желанія, а слово *насытятся*—мѣру его удовлетворенія.

Кто сколько нибудь думаетъ о своемъ высшемъ назначеніи и о послѣдней, вѣчной судьбѣ своей, тотъ, конечно, не можетъ не сознавать потребности оправданія для себя предъ Богомъ. Но сознаніе это заглушается въ людяхъ, во первыхъ, мыслями и желаніями ихъ, обращенными къ потребностямъ и нуждамъ временной жизни. Такихъ нуждъ и потребностей у насъ всегда много. Пока мы не обезпечены

въ насущныхъ средствахъ жизни, все вниманіе и время наше поглощается попеченіемъ о завтрашнемъ днѣ; а какъ скоро перестаемъ нуждаться въ насущномъ, — начинаемъ искать различныхъ удобствъ и удовольствій жизни. Такимъ образомъ, занятые чрезмѣру удовлетвореніемъ высшимъ потребностямъ нашимъ, мы не имѣемъ ни времени, ни расположенія заботиться о томъ, что требуетъ отъ насъ правда Божія. Если мы не забываемъ совсѣмъ о нашихъ духовныхъ потребностяхъ и нуждахъ, то немного и занимаемся ими, почитая достаточнымъ для оправданія нашего предъ Богомъ и то, если чуждаемся грубыхъ пороковъ и не принадлежимъ къ числу явныхъ беззаконниковъ.

Съ другой стороны, и самое, повидимому, усердное упражненіе въ дѣлахъ правды можетъ иногда ослаблять и даже убивать въ человѣкѣ истинное стремленіе къ праведности. Это именно бываетъ, когда заботятся только о внѣшней сообразности своего поведенія съ требованіями закона Божія. Одна внѣшняя законосообразность жизни не дѣлаетъ человѣка нравственно чистымъ, а потому и не поставляетъ его правымъ предъ Богомъ; между тѣмъ она способна внушать ему такое довольство собою, какъ будто онъ ни въ чемъ иномъ, кромѣ обрядоваго благочестія своего, не имѣетъ нужды для достиженія царства Божія. Какъ наемникъ работаетъ онъ предъ Богомъ, въ видахъ получить отъ Него воздаяніе, и привыкаетъ цѣнить свои дѣла, какъ труды, оплачиваемые Господомъ по ихъ количеству; а любви къ добру, желанія духовнаго совершенства, стремленія къ духовному единенію съ Богомъ въ немъ нѣтъ. Ища только награды отъ Бога, а не самаго Бога, онъ собственно равнодушенъ къ добродѣтели и, что всего хуже, это нравственное равнодушіе можетъ утверждаться въ немъ по мѣрѣ того, какъ внѣшняя праведность его возвышается въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ людей.

Противъ того и другаго заблужденія Господь провозглашаетъ свою заповѣдь объ алчбѣ и жадѣ правды. Лю-

дямъ, развлекаемымъ житейскими попеченіями, Онъ говоритъ: не отдавайтесь такимъ заботамъ до порабощенія имъ души своей; *ищите прежде всего царства Божія и правды Его, и все прочее приложится вамъ* (Матѣ. 6, 33), то есть, ищите того, чтобы сдѣлаться достойными царства Божія, въ которое входятъ только оправданные предъ Богомъ, и тогда благословеніе Божіе будетъ на самыхъ трудахъ вашихъ для земной жизни, и житейскія нужды не будутъ подавлять васъ; какъ дѣти Отца небеснаго, Который все видитъ и обо всемъ промыслитъ, вы въ преданности Ему найдете миръ и довольство при всякихъ обстоятельствахъ жизни. А людямъ, успокоивающимся на своей мнимой праведности, Онъ внушаетъ, что съ такою праведностію нельзя войти въ царство небесное (Матѣ. 5, 20), что надобно искать благодати оправданія у Бога, и только тотъ можетъ получить этотъ безцѣнный даръ, кто алчетъ и жаждетъ его, какъ голодный пищи и жаждущій питья.

Алчущіе и жаждущіе правды насытятся, то есть, получаютъ полное удовлетвореніе своимъ потребностямъ, сдѣлаются дѣйствительно правыми предъ Богомъ и будутъ ощущать въ душѣ своей блаженство жизни истинно праведной и святой. Гдѣ же и какъ насытятся?—Господь не говоритъ еще здѣсь о благодатныхъ средствахъ оправданія и освященія человѣка; но, возвѣщая свой законъ, Онъ не представляетъ исполненіе его собственнымъ только силамъ и средствамъ каждаго. Все ученіе Его есть вмѣстѣ призваніе Имъ къ себѣ всѣхъ, желающихъ войти въ царство Божіе. Открывая людямъ съ премудрою постепенностію свое высокое званіе, Онъ съ теченіемъ времени и съѣе и съѣе указывалъ въ Себѣ Искупителя и Спасителя міра и призывалъ всѣхъ къ общенію съ Собою вѣрою и любовію. *Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня; ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ* (Матѣ. 11, 28—30). *Я хлѣбъ живой, сшедшій съ небесъ, и ядущій хлѣбъ*

сей будетъ жить во вѣкъ (Іоан. 6, 51). Кто уверуетъ во Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живою (Іоан. 7, 38). Алчущіе и жаждущіе правды насытятся этимъ хлѣбомъ и утолятъ свою жажду изъ этого благодатнаго источника. Вѣра во Христа Искупителя и жизнь по этой вѣрѣ обновляютъ всего человѣка и даютъ ему не только право на званіе Сына Божія, но и живое и оживотворяющее сознаніе и ощущеніе сыновства Богу.

V. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ. Заповѣдь о милосердіи есть самое близкое и очевидное приложеніе къ жизни общаго закона любви христіанской, такъ какъ дѣла милосердія суть прямыя и непосредственныя выраженія любви къ ближнимъ. Дѣла эти состоятъ въ помощи ближнимъ въ ихъ нуждахъ и страданіяхъ, какъ вещественныхъ, такъ и духовныхъ.

Помогать другимъ въ вещественныхъ ихъ нуждахъ не было чѣмъ нибудь необыкновеннымъ ни у какихъ народовъ, кромѣ развѣ совершенно дикихъ; тѣмъ не менѣе милосердіе и въ этомъ видѣ, внушаемое Іисусомъ Христомъ своимъ послѣдователямъ, есть добродѣтель, также мало извѣстная до христіанскому міру, какъ и самая любовь къ ближнимъ. Человѣколюбіе древнихъ проявлялось только въ частныхъ случаяхъ, по побужденіямъ случайнымъ. Какія нибудь явные и возбуждающія невольное участіе и состраданіе несчастія, конечно, могли всегда и вездѣ располагать тѣхъ или другихъ людей къ помощи несчастнымъ; но заботливость о нуждающихся и страждущихъ вообще, какъ дѣло нравственно обязательное для каждого, незнакома была древнимъ. А Господь заповѣдуетъ милосердіе каждому по слѣдователю своему, какъ существенную обязанность. Онъ многократно повторяетъ то, что содержится въ настоящей Его заповѣди и Самъ непрестанно благотворитъ страждущимъ. Такимъ образомъ и словомъ и дѣломъ внушаетъ Онъ вѣрующимъ, что нужды и печали каждого отдѣльнаго лица должны разлагаться на всѣхъ и составлять общее бремя,—

что не надобно выжидать особыхъ случаевъ, когда бѣдствіи ближняго невольно трогаютъ сердце и, такъ сказать, исторгаютъ состраданіе къ несчастному, а должно постоянно, раздѣлять съ другими тягость угнетающихъ ихъ скорбей,— что милосердіе должно быть не временнымъ настроеніемъ, а постояннымъ расположеніемъ души христіанина, и чело-вѣколюбіе — не рѣдкою помощію отъ избытковъ, а всегдаш-нею готовностію приносить личныя жертвы для ближнихъ. Здѣсь живой источникъ той благотворительности древнихъ христіанъ, которая часто изумляла невѣрующихъ, и всѣхъ филантропическихъ предпріятій и учрежденій, которыя свой-ственны только христіанскому міру.

Помощь ближнимъ въ физическихъ нуждахъ ихъ из-ображается Господомъ въ видахъ напitanія алчущихъ и на-поенія жаждущихъ, одѣянія нагихъ, пріятія странныхъ, призрѣнія больныхъ и участія въ судьбѣ заключенныхъ въ темницы (Матѣ. 25, 35—36). Но, безъ сомнѣнія, этими ви-дами не исчерпывается христіанская благотворительность. Не съ тѣмъ намѣреніемъ Господь и указываетъ на нихъ, чтобы предписать вѣрующимъ, что именно должны дѣлать они въ исполненіе закона о милосердіи. Онъ только, вмѣсто обща-го понятія о предметѣ, представляетъ частныя признаки его, сообразно съ условіями того времени. Конечно, милосердіе христіанское можетъ и во всякое время выражаться въ тѣхъ же образахъ благотворительности, но также можетъ, и да-же должно, при другихъ условіяхъ общественной жизни христіанъ, развиваться гораздо шире и проникать въ эту жизнь гораздо глубже. Христіанское общество, стремящееся къ настоящему возвышенію своего благоустройства, не должно довольствоваться только облегченіемъ нуждъ своихъ членовъ, но обязамо изыскивать средства къ предотвраще-нію этихъ нуждъ и къ обезпеченію всѣмъ хотя неравнаго, но по крайней мѣрѣ возможнаго благосостоянія. Правильное рѣшеніе такой задачи никогда не станетъ въ противорѣчіе съ тѣмъ, что предписываетъ дѣлать для разнаго рода нуж-

Труды Киевск. Академіи, 1879 г. т. III.

дающихся евангеліе; напротивъ, оно будетъ исполненіемъ тѣхъ же самыхъ предписаній, только гораздо полнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ, чѣмъ буквальное ихъ осуществленіе.

Еще важнѣе и выше духовныя дѣла милосердія, или дѣятельное участіе въ состояніи людей, страдающихъ нравственнымъ убожествомъ и нравственными болѣзнями, то есть, различными пороками. Милосердіе самаго Господа къ такимъ людямъ было такъ велико, что навлекало на него укоръ въ дружбѣ съ мытарями и грѣшниками. Дѣйствительно, Онъ не только не чуждался тѣхъ, которые за явные пороки свои находились подъ общественнымъ отлученіемъ, но многимъ изъ нихъ оказывалъ особенное участіе и снисхожденіе, а нѣкоторыхъ принялъ въ число ближайшихъ учениковъ своихъ. Такъ мытаря Маттея Онъ избралъ въ апостола, грѣшницъ, припадавшей къ ногамъ Его, тотчасъ даровалъ разрѣшеніе грѣховъ, мытаря Закхея посвятилъ въ его домѣ и провозгласилъ сыномъ Авраама, то есть, наследникомъ великихъ благодатныхъ обѣтованій потомкамъ отца вѣрующихъ. Но, само собою понятно, Господь не хотѣлъ чрезъ это поощрять пороку. Его общеніе съ отвергнутыми отъ общества не могло быть и не было почитаемо самыми злобными Его врагами за какое вѣбудъ сообщничество съ образомъ жизни этихъ людей. Оно не было даже безусловнымъ неодобреніемъ отверженія ихъ отъ общества. Въ милосердіи Іисуса Христа къ явнымъ грѣшникамъ открывается столько же отвращеніе Его отъ порока, сколько состраданіе къ порочнымъ, побуждающее желать и искать ихъ обращенія.

Въ нашихъ отношеніяхъ къ порочнымъ, перестающимъ стыдиться предъ другими своего поведенія, могутъ быть двѣ крайности: или равнодушіе къ образу ихъ поведенія, или ненависть и презрѣніе къ нимъ самимъ. Равнодушіе въ такомъ случаѣ не пѣшетъ ничего общаго съ милосердіемъ; оно свидѣтельствуєтъ не о снисходительности къ слабостямъ другаго, а

о нравственномъ индифферентизмѣ равнодушнаго. Если для насъ все-равно, каковы другіе по ихъ нравственнымъ качествамъ, и наше обращеніе съ ними опредѣляется одними житейскими соображеніями и разсчетами; то это значить, что въ насъ самихъ нѣтъ истинной любви и уваженія къ добродѣтели, хотя бы мы и не позволяли себѣ явно порочнаго образа жизни. Въ комъ нравственное чувство живо, тотъ не можетъ обращаться съ явными грѣшниками такъ, какъ бы они ничѣмъ не отличались для него отъ людей честныхъ и благонравныхъ. Поэтому равнодушіе къ явно порочному поведенію другихъ совершенно недостойно христіанина. Но также недостойно его и чувство презрѣнія и ненависти къ порочнымъ. Ненавидѣть и презирать должно порокъ, а не порочнаго,—преступленіе, а не преступника. Такое различеніе не есть что нибудь искусственное, придуманное, какъ утверждаютъ нѣкоторые: оно вполне возможно на самомъ дѣлѣ и потому вполне для насъ обязательно. Бываетъ же, что люди, близкіе намъ, при добрыхъ качествахъ имѣютъ и немаловажныя слабости: слабостей этихъ мы не любимъ и, можетъ быть, питаемъ сильное отвращеніе къ нимъ, но тѣмъ не менѣе любимъ людей, которые имъ подвержены и только жалѣемъ объ ихъ недостаткахъ и стараемся, сколько можемъ, объ ихъ исправленіи. Такъ и всякій порочный человѣкъ можетъ внушать ошущенному любовію христіанину глубокое состраданіе, при всемъ отвращеніи такого христіанина къ порокамъ.

Никто, безъ сомнѣнія, не имѣлъ такого отвращенія къ грѣху, какъ Господь Іисусъ Христосъ; потому что Онъ Самъ былъ совершенно безгрѣшенъ и отъ людей требовалъ высшей чистоты нравственной. Но, ненавидя зло, Онъ любилъ людей, зараженныхъ зломъ, и потому не устранился и не устранилъ отъ Себя явныхъ грѣшниковъ. Входя въ ихъ темную среду, Онъ вносилъ въ нее свѣтъ, озаряющій и животворящій душъ. Пока люди этой среды встрѣчали со стороны другихъ одно презрѣніе и ненависть къ себѣ,—

имъ трудно было подняться изъ своего униженія: за презрѣніе они способны были платить презрѣніемъ же и за ненависть—ненавистію. Холодная праведность никого не привлекаетъ къ добродѣтели, а скорѣе отталкиваетъ отъ нея, потому что въ такой праведности всегда много эгоизма. Но когда чистая любовь обращается къ падшимъ, обличая свою чистотою всю нечистоту души ихъ и въ тоже время простирая имъ руку для извлеченія ихъ изъ безднн паденія, то и въ самыхъ заматорѣвшихъ въ грѣхахъ людяхъ можетъ пробуждаться сознаніе гнусности своего образа жизни и горячее желаніе начать новую жизнь, по духу и правиламъ закона Божія. Такъ и было со многими грѣшниками, среди которыхъ обращался Господь во дни земной жизни своей. Между тѣмъ какъ строгіе законники, воспитывая въ себѣ и въ другихъ духъ нетерпимости и вражды ко всѣмъ, кто не подходилъ подъ ихъ мѣрило праведности, попадали сами въ пагубное самообольщеніе и другихъ больше удаляли отъ царства Божія, чѣмъ приближали къ нему, Господь своимъ божественнымъ милосердіемъ дѣлалъ сынами царства Божія и такихъ грѣшниковъ, которые прежде надалѣе отстояли отъ него и меньше всего помышляли о немъ.

По пророческому выраженію Псалмопѣвца, въ Иисусѣ Христѣ *милость и истина срътились, правда и миръ облобызались* (Пс. 84, 11). Подобныя же качества свойственны и Его послѣдователямъ. Христіанинъ, ревнуя самъ по святости жизни, не долженъ безучастно смотрѣть на беззаконную жизнь другихъ. Только не чувство вражды должно въ такомъ случаѣ наполнять его сердце, а чувство состраданія, которое способно побуждать его къ духовной помощи ближнему и служить для него руководителемъ въ самомъ дѣлѣ помощи. Цѣлыя общества христіанскія должны также почитать свою обязанностію духовныя дѣла милосердія. Гдѣ не угасъ христіанскій духъ, тамъ общественное мнѣніе и у христіанъ, какъ иѣкогда у іудеевъ, строго судить презрителей нравственнаго закона. Но между христіанами не должно существовать

разряда отвергнутыхъ и презираемыхъ грѣшниковъ, какъ это было между іудеями. Христіанскія общества обязаны изыскивать и употреблять средства къ благосостоянію членовъ своихъ не только матеріальному, но и еще больше духовно—нравственному.

Милостивые помилованы будутъ. Всѣ мы и всегда имѣемъ нужду въ милости Божіей. Нѣтъ такого добродѣтельнаго человѣка, который могъ бы *по праву* занять мѣсто въ царствѣ Божіемъ. *Благодатію Божію я есмь то, что есмь* (1 Кор. 15, 10), говоритъ о себѣ одинъ изъ самыхъ первоверховныхъ Апостоловъ; а благодать есть даръ благодати, милосердія Божія. По благодати же Божіей великій Апостолъ Христовъ надѣется достигнуть высшей цѣли своей—совершенства духовнаго, не почитая еще себя достигшимъ этой цѣли (Филип. 3, 12—14). Итакъ *вѣчная слава* каждаго изъ насъ зависитъ единственно отъ милости Божіей. А кто живетъ милостію, тотъ и самъ долженъ быть милостивымъ. *Не творящимъ милости предстоитъ судъ безъ милости* (Іак. 2, 13); а на такомъ судѣ не устоитъ ни одинъ праведникъ. Спасутся только *помилованные*. Потому—то блаженны милостивые, ибо они будутъ помилованы.

VI. *Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ.* Чистосердечнымъ мы называемъ человѣка искреннаго, который предъ другими является такимъ, каковъ самъ въ себѣ, говоритъ всегда, какъ думаетъ, и выражаетъ чувства, какія дѣйствительно имѣетъ. Чистосердечіе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ качествамъ истиннаго христіанина, такъ какъ оно происходитъ отъ любви къ правдѣ и отвращенія ко всякой лжи. Люди, глубоко испорченные и не думающіе о своемъ исправленіи, могутъ быть въ самой откровенности своей только безстыдными и наглыми, во—никогда чистосердечными. Прямо противоположно этому качеству лицемеріе, чрезъ которое человѣкъ хочетъ казаться совѣстнѣе, чѣмъ онъ есть, и все, что дѣлаетъ предъ другими, дѣлаетъ на показъ, для пріобрѣтенія похвалы отъ людей.

Лицемеріе—одинъ изъ самыхъ пагубныхъ пороковъ, потому что зло находить въ немъ для себя покровъ, подъ которымъ имѣеть возможность не только скрывать свое безобразіе, внушающее отвращеніе и страхъ, но и принимать благолѣпный и привлекательный видъ. Потому то оно и вызывало у Иисуса Христа самое строгое и, можно сказать, безпощадное обличеніе и осужденіе себѣ. Снисходительный ко всѣмъ, даже къ явнымъ и презираемымъ обществомъ грѣшникамъ, Онъ не щадилъ закоренѣлыхъ въ лицемеріи законниковъ, которые, *не входя сами въ царство Божіе, не допускали въ него и хотѣвшихъ войти* (Матѣ. 23, 13).

Чистосердечіе, однакожъ, составляетъ только низшую степень добродѣтели, о которой говорится въ настоящей заповѣди блаженства. Чистъ сердцемъ тотъ, кто не только не укрываетъ въ себѣ зла, но и не мыслить ничего худого и не имѣеть влеченія ни къ чему порочному. Какъ изъ нечистаго сердца, по словамъ Господа, *исходятъ злыя помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства* (Матѣ. 15, 19); такъ при чистотѣ сердца всѣ помышленія, желанія и чувства человѣка чисты. Само собою понятно, что совершенная чистота сердца есть для насъ идеаль, но—такой, къ которому можетъ и долженъ приближаться всякій христіанинъ, пользуясь благодатными средствами, въ которыхъ никогда не имѣеть недостатка.

Нечистыя мысли, чувства и желанія закрываютъ отъ внутренняго взора человѣка духовный міръ, подобно тому какъ облака закрываютъ отъ глазъ его твердь небесную. Съ очищеніемъ сердца, духовному зрѣнію нашему яснѣе и яснѣе открывается высшая область жизни, гдѣ слава Божія озаряетъ высшія созданія, какъ солнце озаряетъ вещественные предметы. Такимъ образомъ уже въ настоящей жизни чистые сердцемъ начинаютъ созерцать Бога и предвкушать то блаженство, которое свойственно небожителямъ. А о томъ, что будетъ для нихъ въ другомъ мірѣ, св. ап. Іоаннъ говоритъ такъ: *возлюбленные! мы теперь дѣти Божіи, но еще не*

открылось, что будемъ; знаемъ только, что когда откроется, будемъ подобны Ему; ибо увидимъ Его, какъ Онъ есть... И всякій, имѣющій сію надежду на Него, очищаетъ себя, такъ какъ Онъ чистъ (1 Іоан. 3, 2—3). Поэтому съ заповѣдію о чистотѣ сердца соединяется обѣтованіе лицезрѣнія Божія: блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ.

VII. Блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божиими. Какъ чистота сердца есть высшее совершенство человека, рассматриваемаго въ себѣ самомъ, такъ миротвореніе есть высшая добродѣтель въ немъ, по отношенію его къ другимъ

Великое и трудное дѣло для насъ быть самимъ въ мирѣ со всѣми, такъ какъ во взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ между собою безпрестанно встрѣчаются поводы къ разногласіямъ и распрямъ. Кроткій, снисходительный, прощающій христіанъ, старающійся никого не раздражать и самъ ни противъ кого не раздражающійся, стоитъ высоко надъ обыкновеннымъ уровнемъ общественной нравственности. Какая же возвышенность духа требуется для того, чтобы искренно и дѣятельно заботиться о мирѣ между другими, стараться угадать вражду вездѣ, гдѣ можно стать посредникомъ между враждующими, и быть готовымъ принимать удары злобы на себя самого, лишь бы только ослабить ее въ злобящихся и расположить ихъ къ взаимной уступчивости, снисходительности и дружелюбію! Житейское благоразуміе предписываетъ намъ не вмѣшиваться въ распри другихъ, чтобы мимъ не увлечся духомъ вражды, или, по крайней мѣрѣ, не сдѣлать себѣ врагами тѣхъ самыхъ, кого примирить мы думаемъ. И нельзя безусловно отвергать такого предостереженія: оно имѣетъ значеніе для людей, которые не научились еще въ себѣ самихъ побѣждать чувства гнѣва и мстительности. Но тѣмъ съ большимъ уваженіемъ мы должны сморѣть на добродѣтель миротворенія и тѣмъ съ большею ревностію обязаны воспитывать въ себѣ свойства, которыми она предуготовляется.

Изъ всѣхъ распрей и раздоровъ между людьми едва ли не самые ожесточенные бываютъ тѣ, которые происходятъ отъ разногласія въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Какъ скоро образуются религіозныя партіи, то онѣ обыкновенно вступаютъ въ борьбу между собою, которая способна обращать спорящихъ въ самыхъ озлобленныхъ другъ противъ друга враговъ. При этомъ страсти человѣческія разгораются тѣмъ сильнѣе и дѣйствуютъ тѣмъ необузданнѣе, что прикрываются мнимою ревностію по истинѣ и благочестію. Поэтому особенно важно и достоечно—быть миротворцемъ между разномыслящими въ вѣрѣ. Религія Христова есть религія мира, и послѣдователи ея должны быть поборниками мира. Само собою понятно, кто христіанинъ не долженъ, ради согласія между враждующими изъ за религіозныхъ убѣжденій и предразсудковъ, ослаблять значеніе какихъ либо истинъ или правилъ чистой вѣры; но это и не можетъ составлять дѣйствительнаго условія примиренія такихъ враждующихъ. Источникомъ вражды во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ служатъ страсти самолюбія, своекорыстія и под. А эти страсти уступаютъ не теоретическимъ какимъ нибудь доводамъ, а силѣ нравственнаго превосходства, силѣ любви, благожеланія и правды. Если же на кого не дѣйствуетъ и эта сила, то отъ подобныхъ людей надобно удалиться. Такъ именно Апостолы учили христіанскихъ пастырей поступать съ упорными въ заблужденіяхъ своихъ лжеучителями: *рабу Господню должно быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ, съ кротостію наставлятъ противниковъ: не дастъ ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины* (2 Тимое. 2, 24—25). *Кто не слѣдуетъ здоровымъ словамъ Господа нашего Иисуса Христа и ученію о благочестіи; тотъ гордъ, ничего не знаетъ, но зараженъ страстію къ состязаніямъ и словопреніямъ, отъ которыхъ происходятъ зависть, распри, злорѣчіе, лукавыя подозрѣнія... отъ такихъ уклоняйся* (1 Тимое. 6, 3—5). *Еретика, послѣ перваго и втораго наставленія, отвращайся, зная, что таковой развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ* (Тит. 3, 10—11).

Истинный миротворецъ пріобщается, такъ сказать, служенію самаго Господа Искупителя, Который, *разрушивъ средостѣніе вражды между людьми, чрезъ примиреніе ихъ съ Богомъ, возвыстилъ миръ намъ, дальнимъ и близкимъ* (Ефес. 2, 14—19) и призываетъ всѣхъ къ единенію между собою въ любви къ Богу. Поэтому миротворцамъ и усвоется по преимуществу названіе *сыновъ Божіихъ*.

ЧТЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Заповѣди блаженства (окончаніе).

VIII. *Блаженны изнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное.* Блаженъ, кто имѣетъ такое постоянство и твердость въ добродѣтели, такое мужество въ борьбѣ съ соблазнами и притѣсненіями неправды, что, не смотря ни на какія гоненія и страданія за правду, не измѣняетъ ей, не отступаетъ отъ ея закона.

Что вѣрность правдѣ или жизни по духу и правиламъ закона Божія можетъ навлекать на человѣка разныя гоненія въ мірѣ, это къ прискорбію, не подлежитъ сомнѣнію. Даже невозможно ни одному истинно добродѣтельному человѣку избѣжать всякаго страданія въ мірѣ за свою преданность правдѣ и неувлонное выполненіе ея требованій. Кто живетъ не по закону Божію, а по влеченіямъ своего грѣхолобиваго сердца; тотъ обыкновенно видитъ противниковъ себѣ въ такихъ же людяхъ, которые имѣютъ совсѣмъ иной взглядъ на вещи, руководятся въ поведеніи своемъ совсѣмъ иными побужденіями и имѣютъ въ виду совсѣмъ иныя цѣли. Уже то одно, что дѣла правды служатъ сами собою обличеніемъ недостойности и низости порочнаго поведенія, способно озлоблять порочныхъ противъ добродѣтельныхъ: такъ, напримѣръ, воздержный представляется какъ бы естественнымъ непріятелемъ невоздержнаго, честный и безкорыстный—корыстолюбца и мздоимца, прямодушный—лицемѣра и т. д. Но, кромѣ того, стремленія порочныхъ людей могутъ не рѣдко встрѣчать прямое про-

тиводѣйствіе себѣ въ образѣ поведенія людей, искренно преданныхъ добродѣтели и не желающихъ никогда отступать отъ своего нравственнаго долга; а подобныя стойковенія, само собою понятно, не могутъ не вооружать ревнителей своихъ выгодъ и преимуществъ противъ поборниковъ правды и чести. И какъ послѣдніе сколько ревностны по добродѣтели, столько же кротки, и незлобивы; то тѣмъ свободнѣе и успѣшнѣе дѣйствуетъ противъ нихъ злоба враговъ ихъ. Поэтому Апостолъ говоритъ положительно, что *все, желающіе жить благочестиво въ Иисусъ Христъ*, то есть, въ Его духъ и по Его заповѣдямъ, *будутъ юними* (2 Тимое. 3, 12).

Правда, Апостолъ имѣлъ въ виду христіанъ сведи невѣрующихъ; но такъ какъ и въ христіанской средѣ не всѣ тѣ, которые носятъ на себѣ имя Христова, носятъ въ себѣ и духъ Христовъ, то и въ христіанскихъ обществахъ могутъ быть и часто бывають, не всегда явныя, но оттого не менѣе или даже еще болѣе жестокия гоненія за правду. Этого зла не въ силахъ предотвратить общественный законъ, хотя въ христіанскомъ государствѣ онъ естественно покровительствуетъ христіанской правдѣ; ибо никакой законъ не въ состояніи обнять всѣ частныя отношенія гражданъ между собою; во множествѣ случаевъ члены общества по необходимости предоставляются себѣ самимъ, и такими то въ особенности случаями неправда человѣческая пользуется для притѣсненія ненавистой ей правды. Притомъ и блюстители общественнаго закона не всегда достойны своего званія, а это дѣлаетъ возможнымъ гоненіе за правду даже во имя самаго закона и посредствомъ самаго правосудія человѣческаго.

Когда христіанинъ терпитъ гоненія за правду отъ христіанъ же, отъ тѣхъ, въ комъ долженъ бы находить только друзей и братьевъ, и за то, что должно бы внушить къ нему особое уваженіе и расположеніе всякаго ученика Христова; то такія страданія составляютъ для него не только внѣшній, но и еще болѣе внутренній крестъ. Нѣкогда

пророкъ-псалмопѣвецъ говорилъ о себѣ: не врагъ злословить меня, это я перенесъ бы; не явный недоброжелатель мой возсталъ противъ меня, отъ такого я скрылся бы; но—ты, который былъ для меня тоже что я, другъ мой и приближенный мой, съ которымъ любилъ я раздѣлять тайну, съ которымъ ходилъ я въ домъ Божій, въ сонмъ народа (Псал. 54, 13—14). Не тоже ли долженъ чувствовать и христіанинъ, гонимый братомъ своимъ по вѣрѣ, у котораго должно бы быть одно съ нимъ сердце и одна душа, съ которымъ раздѣляетъ онъ тайну истины Христовой и живетъ въ одномъ домѣ Божіемъ—въ церкви Христовой! Но и при этой скорби страждущій за правду находить въ себѣ живой источникъ утѣшенія. Не мучимый ни чувствомъ злобы, ни жаждою мщенія, правый въ своей совѣсти, онъ ощущаетъ миръ въ душѣ своей; а внутренній миръ даетъ ему возможность твердо переносить и внѣшнія лишенія какими подвергаетъ его злоба неправды. Главное же утѣшеніе для него въ томъ, что, терпя за правду, онъ терпитъ за Христа и со Христомъ, который Самъ, будучи вѣчною правдою, страдалъ на землѣ отъ человѣческой неправды и переносилъ ожесточенную ненависть людей за безконечную любовь свою къ нимъ.

IX. Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и матъ и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесахъ. Въ этомъ заключительномъ изреченіи своемъ о блаженствахъ Господь обращается по преимуществу къ ближайшимъ ученикамъ своимъ, то есть, къ апостоламъ, такъ какъ имъ особенно нужно было предварительное наставленіе о укрѣпленіи для предстоявшихъ подвиговъ. Сами они не могли еще предвидѣть, что ожидало ихъ въ будущемъ. Тотъ, въ Кого они вѣровали, какъ въ истиннаго Христа, былъ такъ мудръ, такъ благъ, такъ силенъ словомъ и дѣломъ, что міръ человѣческій, казалось, долженъ былъ волею или неволею преклониться предъ Нимъ и безъ сопротивленія покориться Его ученію и власти. Таково безъ сомнѣнія и было убѣжденіе и чаяніе Апостоловъ. Между тѣмъ имъ первымъ предстояло вы-

держатъ всякаго рода преслѣдованія отъ міра за свою вѣру во Христа Спасителя. Чтобы приготовить ихъ въ этому, Господь не только въ настоящемъ изреченіи Своемъ, но и потомъ неоднократно предрекалъ имъ объ ожидавшей ихъ многоскорбной участи на землѣ, внушая имъ въ тоже время духовное мужество и увѣренность въ торжествѣ царства Божія надъ міромъ: *въ міръ скорбны будете, но мужайтесь: Я побѣдиль міръ* (Іоан. 16, 33).

Какъ оправдались предреченія Господни о гоненіяхъ міра на первыхъ проповѣдниковъ евангелія, это извѣстно изъ исторіи апостольскихъ дѣяній. Апостоловъ *поносили*, какъ лжецовъ и пустослововъ (Дѣян. 14, 19; 17, 18); ихъ гнали, какъ людей, распространявшихъ ложныя и вредныя понятія и вѣрованія (Дѣян. 16, 20—21 и др.); ихъ всячески злословили, называя обмащиками, всесвѣтными возмутителями, язвою общества и под. (2 Кор. 6, 8; Дѣян. 17, 6; 24, 5 и др.). А какъ Апостолы, не смотря на все это, не только не упали духомъ и не почитали себя несчастными, но и находили радость въ самыхъ скорбяхъ своихъ и услажденіе въ страданіяхъ за Господа,—объ этомъ довольно припомнить свидѣтельства ап. Павла, который, изображая различныя бѣдствія и страданія свои, говорилъ о себѣ въ то же время такъ: *мы отъсюду притѣсняемы, но не стѣснены; мы въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаяваемся... Мы не унываемъ... мы всегда благодушествуемъ... Насъ огорчаютъ, но мы всегда радуемся... Я благодушествую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа; ибо когда я немощенъ, тогда силенъ* (2 Коринѣ. 4, 8. 16; 5, 6; 6, 10; 12, 10).

Но, обращенная по преимуществу къ Апостоламъ, послѣдняя заповѣдь блаженства не теряетъ отъ того значенія силы общаго законоположенія. Подобно другимъ заповѣдямъ, она относится также ко всѣмъ послѣдователямъ Іисуса Христа, завершая собою общія положенія евангельскаго закона. Борьба между вѣрою и невѣріемъ постоянно продолжается въ человѣческомъ мірѣ, хотя не всегда съ одинаковымъ

напряженіемъ и въ одинаковомъ видѣ. Въ одно время съ Апостолами терпѣли гоненія и другіе вѣрующіе; за тѣмъ еще цѣлые вѣка христіане вообще находились подъ самымъ тяжелымъ игомъ ненависти, презрѣнія и притѣсненій отъ невѣрующихъ; тогда цѣлые сонмы вѣрныхъ послѣдователей Христа запечатлѣвали вѣру свою кровію своею. И послѣ тѣхъ временъ много было, много безъ сомнѣнія и нынѣ есть страдальцевъ за вѣру Христову тамъ, гдѣ внѣшняя сила и власть принадлежала и принадлежитъ невѣрующимъ. Наконецъ, въ самыхъ христіанскихъ странахъ вѣра Христова всегда можетъ встрѣчать и дѣйствительно встрѣчаетъ много враждебнаго себѣ и своимъ истиннымъ исповѣдникамъ. Такъ мірскія приличія и вообще мірской складъ жизни въ христіанскихъ обществахъ сильно противодѣйствуютъ благочестію христіанскому и подвергаютъ не малому испытанію вѣру искренняго христіанина. Кто, вѣрно слѣдуя ученію Христову и уставамъ св. церкви, не сообразуетъ своего поведенія съ мірскими мнѣніями и обычаями, тотъ едва ли гдѣ можетъ избѣжать явнаго или прикрытаго глумленія надъ своимъ благочестіемъ, оскорбительныхъ пересудовъ о своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, нерасположенія или прямаго зложелательства себѣ со стороны тѣхъ, кои особенно преданы міру и разныя требованія благочестія почитаютъ тяжелымъ и бесполезнымъ для человѣка бременемъ. Кромѣ того, въ христіанскомъ обществѣ являються и такіе люди, которые возстають противъ вѣры Христовой во имя науки, какъ будто переросшей евангельское ученіе. Правда, подобные люди не всегда хотятъ являться врагами вѣры и вѣрующихъ; они часто проповѣдуютъ терпимость въ дѣлахъ убѣжденія и совѣсти и въ недостаткѣ такой терпимости обвиняють не невѣріе, а напротивъ—благочестіе христіанское. Но сколько бы невѣріе не провозглашало себя терпѣливымъ и необходимымъ въ отношеніи къ вѣрѣ, на самомъ дѣлѣ оно всегда есть врагъ вѣры. Въ комъ нѣтъ никакой ненависти и вражды къ вѣрѣ, того едва ли

можно почитать невѣрующимъ, а развѣ—колеблющимся, сомнѣвающимся. Невѣрующій всегда склоненъ дѣйствовать ко вреду вѣры и все, что въ наукѣ и жизни повидимому говоритъ не въ ея пользу, любитъ выставить на видъ, съ тайнымъ или явнымъ злорадованіемъ. Такъ нерѣдко дѣлаются слишкомъ поспѣшные выводы изъ научныхъ данныхъ, для того чтобы уличать вѣрующихъ въ мнимомъ невѣжествѣ или суевѣріи; въ тѣхъ же видахъ иногда придается ничѣмъ еще неоправданнымъ предположеніямъ научнымъ значеніе положительныхъ истинъ; еще чаще имѣняется церкви Христовой въ безчестіе или въ вину то, что происходитъ въ средѣ христіанъ не по духу и правиламъ содержимой ею вѣры, а по духу міра, по страстямъ человѣческимъ, вторгающимся и въ царство Христово на землѣ. Сколько несправедливыхъ нареканій, извительнаго злословія и нечестивой хулы исходило и исходитъ отъ такого невѣрія, которое громко говоритъ о безпристрастіи науки, но въ тоже время вноситъ нечистыя страсти во все, что отъ ея имени противопоставляетъ вѣрѣ и вѣрующимъ! Если бы и въ нынѣшнія времена внѣшняя сила и власть были на сторонѣ невѣрія, то, кто знаетъ, лучше ли оно отнеслось бы къ церкви Христовой, чѣмъ древнее язычество, въ которомъ нерѣдко передовыя по образованію личности являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и передовыми врагами христіанства и христіанъ. Какъ бы то ни было, только всегда можно и должно каждому христіанину быть твердымъ исповѣдникомъ вѣры Христовой,—должно презирать всякій стыдъ и страхъ, какъ скоро отъ него требуется явить себя правовѣрующимъ, и не только ни за что не отречься отъ вѣры, но и не предпочтатъ какихъ бы то ни было требованій міра требованіямъ христіанскаго благочестія.

Велика награда ваша на небесахъ, обѣщается твердымъ исповѣдникамъ вѣры Христовой. Это обѣтованіе, очевидно, содержитъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ общее обѣтованіе царства небеснаго; значить, подвиги исповѣданія вѣры поставляются выше подвиговъ ради правды, такъ какъ о

гонимыхъ за правду говорится только, что *ихъ есть царство небесное*. Дѣйствительно, хотя вѣра и добродѣтель неразлучны, и какъ безъ вѣры не можетъ быть истинно добродѣтельной жизни, такъ и безъ добродѣтельной жизни не мыслима истинная вѣра; однако въ твердомъ исповѣданіи вѣры является больше нравственной доблести, чѣмъ въ неуклонномъ соблюденіи правилъ добродѣтели. Добродѣтель имѣетъ корень свой въ вѣрѣ, на ней опирается и ею поддерживается, когда подвергается испытаніямъ; вѣра имѣетъ опору и утвержденіе только въ себѣ самой и въ благодати Божіей. Добрыя дѣла составляютъ также сокровище человѣка, которое видимо и какъ бы осязаемо для него; совершая ихъ, онъ находитъ утѣшеніе не только въ сознаніи достоинства своихъ дѣйствій и въ одобреніи собственной совѣсти, но и въ сочувствіи, уваженіи и добромъ расположеніи другихъ, особенно тѣхъ, для кого его добродѣтели суть вмѣстѣ благодѣянія, и если одни ненавидятъ и преслѣдуютъ его за неуклонное исполненіе имъ нравственнаго долга своего, то другіе за тоже самое чтутъ и, можетъ быть, благословляютъ его. А вѣра вся обращена къ невидимому: то, чего она ищетъ, за что терпитъ, еще сокрыто отъ земнаго взора человѣка и только чается вѣрующимъ. Притомъ, и гоненія за вѣровъ бываютъ жесточе, чѣмъ за правду, потому безъ сомнѣнія, что ею по преимуществу отличаются и отдѣляются сыны царства Божія отъ сыновъ міра: она служитъ основаніемъ и душою всего, что дѣлается въ человѣческомъ мірѣ не по мірскому обычаю, желанію и вкусу, а по волѣ и закону Того, Кто хотя являлся въ мірѣ, но не для утвержденія, а для обличенія и исправленія мірскихъ понятій и нравовъ, и какъ Самъ былъ не отъ міра сего, такъ и послѣдователей своихъ *изъимлетъ* изъ него и *привлекаетъ къ Себѣ* Самому (Іоан. 12, 32; 15, 19).

Таковъ законъ евангельскій. Это—законъ духа, опредѣляющій не частныя дѣйствія и поступки человѣка, а внутренний строй его жизни, внутреннія его расположенія и

стремленія. Не отмѣняя древняго нравственнаго закона, Іисусъ Христосъ и не повторяетъ его, равно какъ и не распространяетъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова, то есть, не прибавляетъ къ его частнымъ положеніямъ новыхъ такого же рода положеній, не умножаетъ числа его заповѣдей, но, такъ сказать, переводитъ его съ вещественныхъ скрижалей на скрижали человѣческаго сердца и чрезъ то даетъ ему такую полноту, какой не можетъ имѣть и самое подробное внѣшнее закононачертаніе, и такую высоту и силу, какія не доступны самымъ мудрымъ и авторитетнымъ предписаніямъ совнѣ. Новый Законодатель говоритъ собственно не о томъ, что долженъ и чего не долженъ дѣлать человѣкъ, но—каковъ долженъ быть самъ человѣкъ въ его мысляхъ, желаніяхъ и чувствахъ. Онъ изображаетъ характеръ истиннаго послѣдователя своего, и черты этого характера сколько высоки, столько же и полны. „Отъ первой заповѣди,“ говоритъ свят. Златоустъ, „пролагая путь къ послѣдующей, Христосъ сплелъ намъ золотую цѣпь“. Звенья этой драгоцѣнной цѣпи суть нравственные качества истиннаго христіанина, которыя, подъ благодатнымъ вліяніемъ на душу его духа Христова, образуются въ немъ такъ, что одно порождаетъ другое и всѣ вмѣстѣ составляютъ пре, красное цѣлое—подлинный христіанскій характеръ. „Ибо-продолжаетъ тотъ же великій учитель Церкви, смиренный будетъ и оплакивать свои грѣхи, оплакивающій свои грѣхи сдѣлается кроткимъ, тихимъ и милостивымъ, милостивый праведнымъ и чистымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, а такой будетъ миролюбивымъ; кто же достигнетъ всего этого, тотъ будетъ готовъ къ опасностямъ, не устрасится злорѣчія и безчисленныхъ бѣдствій.“ Образованіе такого характера и есть перенесеніе въ сердце человѣка божественнаго закона его жизни, и въ комъ господствуютъ указанная свойства, тотъ имѣетъ въ себѣ неизсякаемый источникъ чистой нравственности.

Протоіерей Н. Озоровъ.